

ВЕНСКИЙ СЛАВИСТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК*

Выход в свет первого тома австрийского славистического ежегодника «Wiener slavistisches Jahrbuch» (WSJ) был приурочен к столетию существования кафедры славистики при Венском университете (1849—1949). Стремление опереться на богатые традиции венской славистической школы чувствуется также в статье редактора ежегодника Р. Ягодича (т. I, стр. 1—52), посвященной деятельности работавших в Вене Б. Копитара, Ф. Миклошича, В. Ягича и современному состоянию австрийской славистики. Учитывая возросшее влияние славянских государств в Европе, Р. Ягодич делает вывод о необходимости быстрого развития всех разделов славянской филологии в Австрии. WSJ должен, по его мнению, способствовать такому развитию, публикуя языковедческие и литературоведческие работы австрийских и зарубежных авторов. За семь лет своего существования (вышло пять томов) WSJ действительно сумел объединить лучшие силы австрийской славистики и наладить прочные связи с языковедами ряда европейских, преимущественно соседних стран.

Издание, ограниченное славистической тематикой, естественно, не могло отвести много места вопросам общего языкознания. Из опубликованных материалов выделяется статья акад. А. Б е л и ч а, излагающего взгляды белградской лингвистической школы на синтагму и предложение (т. IV, стр. 5—14). Определяя синтагму как органическое единство в противоположность двучленному предложению (die Zweifheit), автор подчеркивает, что объяснить многие языковые процессы можно только внутри синтагмы; так, исчезновение падежных форм становится возможным, потому что синтагма принимает на себя их значения (например, сербские синтагмы *говорио сам људима* и *говорио сам о људима* при совпадении форм падежей различаются так же, как и соответствующие русские *говорил людям* и *говорил с людьми*, где совпадения нет). А. Белич противопоставляет точку зрения белградской лингвистической школы взглядам Ш. Балли, возводившего любую синтагму к двучленному предложению, и И. Мещанинова, руководствовавшегося, по мнению автора, чисто формальными критериями при своей классификации.

Вопросы общей фонетики на славянском материале решает работа Г. Г а л ь т о н а (т. V, стр. 37—58), который объясняет закрепление ударения в чешском и польском языках действием закона ритмического чередования (die rhythmische Alternation) ударных и безударных слогов. Автор резко полемизирует с лингвистами пражской школы (Н. С. Трубецким, Р. Якобсоном), выделявшими функции ударения — смысло-различительную (в языках с подвижным ударением)¹ и делимитативную², т. е. указывающую на границу слова (в языках с закрепленным ударением). По мнению Г. Гальтона, чешская и польская системы ударения возникли из одной и той же ритмической схемы: + — + — (трехсложные звуковые такты прикнули к ней позднее). В отличие от чешского, где сохраняющиеся долготы служат целям ритмической альтернации, в польском первичное начальное ударение вызывало несоразмерный ритмический перекос начала звукового такта, поэтому здесь установился второй из возможных по упомянутой схеме вариантов: закрепленное ударение на предпоследнем слоге. Выдвигаемое автором универсальное объяснение (оно же применяется к возникновению «слабых» и «сильных» редуцированных) выиграло бы в доказательности, если бы было связано с фактами истории исследуемых языков (например, с датировкой закрепления западнославянского ударения на основании анализа заимствований). Анализ закрепленного или частично закрепленного македонского ударения, возможно, также внес бы коррективы в теорию автора³.

* Wiener slavistisches Jahrbuch. Hrsg. vom Seminar für slavische Philologie an der Universität Wien durch Rudolf Jagoditsch. Bd. I—V, Wien — Graz — Köln, 1950—1955.

¹ Отрицая морфологическую функцию ударения в современном русском языке (т. е. его способность характеризовать грамматические категории, например ед. и мн. число претерита сильных глаголов в прагерманском), автор приводит неудачный пример: *винá*, род. падеж *винý* — им. падеж мн. числа *винý* при *стенá*, *стенý* — *стены*. Здесь ударение как раз является характеристикой всей категории. Именно поэтому упоминаемое Г. Гальтоном *винý* (им. падеж мн. числа) воспринимается сейчас как архаизм (ср. также *странý*; в других случаях мн. число перестает употребляться в литературном языке: *жарá*, *порá* при диалект. *в те порý*, *балдá* и т. п.); в им. падеже мн. числа ударение на первом слоге двухсложных существительных жен. рода проведено без исключений (*в́ины*, *стráны* и т. д.).

² Ср. H. Galton, On the supposed delimitative accent in West Slav, «Archivum linguisticum», vol. 7, fasc. 2, Glasgow, 1955.

³ Македонские говоры засвидетельствовали различные стадии процесса: 1) ударение подвижное в пределах: а) последних трех слогов (Кратово), б) последних двух слогов (Воден), в) третьего и второго с конца слогов (Тиквеш); 2) ударение закрепленное: а) на предпоследнем слоге (Костур), б) на третьем с конца слоге (Скопье).

В. Аппель в своих заметках по экспериментальной фонетике (часть 1 — т. I, стр. 53—70; часть 2 — т. II, стр. 95—102; обещанное продолжение еще не появилось) на основе оригинального метода графической регистрации речи определяет сербские нисходящие ударения ($\sim \searrow$) как экспираторные с делимитативной (в разрез со взглядами Г. Галтона — ср. выше) функцией, изменяющиеся под влиянием фразовой интонации, а сербские восходящие ($\swarrow \searrow$) — как музыкальные ударения, не зависящие от интонации фразы.

В своей статье обзорного характера (т. II, стр. 50—72) И. Матль считает основной задачей современной славистики проследить по языку духовную жизнь и развитие славянских народов. Он обращает основное внимание на исследования в области топонимии, этимологии (подчеркивается значение семантической стороны сопоставлений), связанные с изучением реалий, истории и культуры. Считая в духе К. Фосслера предшествующий этап в языкознании «формально-грамматическим», автор, дающий обширную библиографию по упомянутым выше разделам славянского языкознания, не упоминает хотя бы вкратце о работах, трактующих вопросы языковой структуры (фонетической, морфологической, синтаксической), так что его обзор страдает некоторой односторонностью. К счастью, такой односторонности нет в подборе работ по славянскому языкознанию, опубликованных ежегодником.

Свою схему периодизации праславянского языка излагает Т. Лер-Сплавинский (т. V, стр. 5—9). Внося поправку в датировку праславянского языка, предложенную в 1935 г. Н. Ван-Вейком¹, польский ученый считает, что второй период развития праславянского языка (во время которого произошли важнейшие праславянские фонетические сдвиги) длился с IV в. до н. э. по III в. н. э. Споруно определение конца этого периода на основании наличия результатов второй палатализации (прошедшей в период начинающегося распада славянской общности) в праславянских заимствованиях из готского, воспринятых, по мнению автора, во II—III вв. н. э. Если даже принять такую датировку заимствований (готы двигались из Причерноморья к западу с III до V в. н. э.), не исключена возможность, что вторая палатализация прошла намного позже восприятия заимствований и отразилась в них так же, как и в исконно славянских словах.

Важным вопросам расселения южных и западных славян в VIII—IX вв. н. э. посвящены статьи К. Пиука (т. I, стр. 112—129) и итальянского слависта А. Крония (т. II, стр. 6—24). Если первый, полемизируя со словацким ученым Я. Станиславом, объясняет большинство славянских имен в евангелии Чивидале (имена внесены на поля евангелия в VIII—IX вв. славянскими дарителями на севере Италии) как южнославянские, то второй вообще ставит под сомнение общепринятое чтение этих имен и подвергает их новому тщательному анализу. Однако и этот новый анализ не подтверждает гипотезу Я. Станислава о преимущественно западнославянском характере имен, поддерживающую его теорию о первоначальном словацком населении в Паннонии. На более раннюю, дославянскую историю Паннонии бросает свет предложенная Р. Нахтигалем (т. IV, стр. 15—19) этимология лат. *Pelso*, античного названия озера Балатон. Люблинский ученый справедливо отводит связь со славянск. **ples, pleso* (ср. русск. *плес*) и сближает слово с алб. *pül* «лес» из иллирийск. **pelso-*. Тогда единственным славянским названием озера является **Bolto*, откуда венг. *Balaton*.

Развитию отдельных славянских языков после распада праславянского также посвящен ряд статей. К. Рёслер, рассмотрев способы образования аналитического будущего времени в славянских и ряде других европейских языков (т. 2, стр. 103—149), приходит к выводу, что формы с глаголом **bǫdǫ* (восточно-и западнославянские) восходят к средневерхненемецким формам аналитического будущего с *werden*, появляющимся с XI в. (в западнославянских языках, по Рёслеру, формы с **bǫdǫ* — с XIII—XIV вв., в восточнославянских — с XV—XVI вв.). Из того же источника аналогичные формы проникли в ряд чакавских говоров сербского языка, но, ввиду закрепления в южнославянских языках будущего с **xъtǫ*, там они не получили развития².

¹ Собственно, Н. Ван-Вейк указывал на наличие двух неравных периодов в развитии праславянского языка: первого (медленное развитие), занявшего около двух тысячелетий, и второго (коренное изменение языковой структуры), длившегося дватри столетия. Т. Лер-Сплавинский приходит к выводу о неточности подобного деления, исходя из своего известного предположения о том, что праславянский язык выделился ок. 1300 в. до н. э. в результате распространения носителей лужицкой культуры в район Одера—Вислы — Верхнего Днестра.

² Нельзя не обратить внимания на тот факт, что южнославянские языки, постепенно теряющие простое будущее (ср. болг. *ще дам/ще давам*, серб. *даћу/даваћу*), воспользовались для образования аналитического будущего глаголом несовершенного вида (**xъtǫ*), а восточно- и западнославянские языки, где формы простого будущего обычны (русск. *дам*, польск. *dam*, чешск. *dám*), — глаголом совершенного вида **bǫdǫ* (ср. также др.-русск. *учьну*, *почьну* и т. п.), восходящим к н.-е. аористному корню

Г. В ы т ж е н с, специально исследовавший факты русского языка (т. III, стр. 24—27), дает еще более позднюю датировку распространения здесь форм с *буду* (2-я половина XVII в.; впервые форма засвидетельствована достоверно в «Повести о начале Москвы»). Однако в вопросе о происхождении таких форм он осторожнее К. Рёслера. (Этот последний, впрочем, указывает, что его предположение нельзя считать доказанным, пока к исследованию не привлечен более обширный материал.) Не отрицая возможности западного влияния (особенно в сочинениях И. Пересветова, где часты формы с *буду*), Г. Витженс ищет истоки аналитического будущего в оборотах типа: *будетъ имѣ* (дат. падеж) *сѣсти на конь* и в сочетаниях *буду* с причастиями на *-л-*. Можно еще отметить, что многообразие глаголов, служащих для образования аналитического будущего уже в др.-русск. (*иму, учьну, зачьну, почьну* и т. п.), свидетельствует о давнем наличии «слабого звена» и языковой системе.

Возникновение неизменяемого деепричастия в русском языке прослеживает Р. С т о л а на материале Лаврентьевского списка летописи (т. V, стр. 14—27). Начало этого процесса обусловлено, по его мнению, исчезновением двойственного числа как живой категории и колебаниями в согласовании при подлежащем с собирательным значением. Большое число примеров подтверждает мысль автора, что в упомянутых случаях разное согласование причастия и глагола приводит к развитию причастия в несогласованную деепричастную форму (*zweirängiges Prädikat*, по его терминологии).

Новые данные о сокращении долгот в современных сербских диалектах приводит белградский лингвист И. П о п о в и ч (т. IV, стр. 97—129). Систему, зарегистрированную в свое время Вуком Караджичем, сохраняют в неприкосновенности лишь диалекты центральной динарской области, диалекты же к западу, востоку и юго-востоку от нее представляют ряд степеней утраты долготы: частичная (Белград) и полная (среднеморавские говоры) утрата заударных долгот при сохранении предупредных; утрата всех безударных долгот (крайние юго-восточные говоры). Автор предвидит такой период, когда все диалекты сербского языка придут к состоянию, засвидетельствованному современным словенским (долгота лишь под ударением), и склонен приписывать весь процесс внешним влияниям на северо-западе и юго-востоке. Однако здесь следует также учитывать проявление общеславянской тенденции.

Читатель WSJ, не знакомый с новейшей югославской лингвистической литературой, найдет в статье П. Х р а ш е - В и р е (т. I, стр. 87—100) точную информацию об основных особенностях македонского литературного языка. В целом же материалы по современным славянским языкам — наиболее уязвимое место ежегодника, выходящего в не-славянской стране. Напротив, этимологические разыскания представлены весьма широко. Прежде всего хочется отметить кропотливую работу С. Б о д н а р ч у к а, регулярно публикующего обстоятельные разборы выходящих в свет выпусков словарей: «Russisches etymologisches Wörterbuch» М. Фасмера (т. II, стр. 198; т. III, стр. 115—120; т. IV, стр. 147—154; т. V, стр. 172—174), «Słownik etymologiczny języka polskiego» Ф. Славского (т. IV, стр. 160—166; т. V, стр. 205), «Litauisches etymologisches Wörterbuch» Э. Френкеля (т. V, стр. 203—205) — и давшего ряд украинских дополнений к словарю М. Фасмера (т. V, стр. 28—36). Сопоставляя различные точки зрения на задачу составителя этимологического словаря¹, С. Боднарчук высоко оценивает словарь М. Фасмера и испанский этимологический словарь Х. Короминаса². Одновременно он признает и целесообразность создания этимологического словаря на более узкой основе, как это делает Ф. Славский.

Из заметок этимологического характера заслуживают упоминания удачное объяснение южнославянских названий для ветра (болг. *зала, лама*; серб. *ћоровац*, собственн. по «слепец») из античной мифологии, данное Л. С а д н и к (т. I, стр. 130—133), и возведение от слав. **kognъ* «преследование» к и.-е. корню **kou-/keu-*; ср. праслав. **čuti* «чу-/ять» — «идти по следу», данное Р. А й ц е т м ю л л е р о м (т. II, стр. 152—153). Едва ли на верном пути находится Г. П е й х а у з е р, считающий (т. I, стр. 110—111) русск. *перепелятник*, *ягнятник* (названия хищных птиц) сложениями со второй частью — производным от глагола **jēti, jētiq*, «брать», т. е. «хватать добычу». Скорее это обычные производные от названий молодых существ на **-ę, -ęte* (**perpelę, *jagnę*), такие же, как, например, русск. *телятница*.

Следует приветствовать появление на страницах славистического издания статьи по палеографии. Т. Э к х а р д т, параллельно с уточнением терминов «устав» и «уй-

(ср. Ch. S t a n g, Das slavische und baltische Verbum, Oslo, 1942, стр. 53). Все это стоит в связи с разной степенью развития видовых различий в упомянутых двух группах славянских языков и делает заимствование, предполагаемое К. Рёслером, менее вероятным.

¹ В том числе точки зрения советских ученых (М. Петерсона, В. Абасва, Р. Ачаряна), высказывавшихся в дискуссии, которая была организована «Вопросами языкознания» (см. 1952, №№ 4—5; ср. WSJ, т. IV, стр. 148—149).

² J. C o r o m i n a s, Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana, vol. I—III (A — Re), Berna, 1954.

циальное письмо» (*die Unziale*)), намечает основные этапы развития глаголического и кириллического письма (т. IV, стр. 130—146). В своем докладе на Славянском коллоквиуме в Вене¹ он справедливо замечает, что окончательное решение вопроса о происхождении славянских азбук сможет дать именно сравнительная палеография.

В WSJ хорошо поставлена информационная часть. Кроме уже упомянутых рецензий С. Боднарчука [он же в т. IV (на стр. 171—182) после подробного анализа отрицательно оценивает книгу Д. Дечева «Характеристика на тракийския език» (София, 1952)], следует отметить большой обзор новой (начавшей выходить с 1952 г. и позднее) периодики по славистике, сделанный Р. Я г о д и ч е м (т. V, стр. 121—146)².

Критический разбор ряда положений Н. С. Трубецкого дает Э. К о ш м и д е р в своей рецензии (т. V, стр. 148—160) на издание его «*Altkirchenslavische Grammatik*» (Wien, 1954). Рецензенты WSJ внимательно следят и за развитием новых методов в языкознании. Так, Г. Вытженс излагает (т. IV, стр. 157—159) содержание книги Г. Йосселсона о статистике ходовых слов русского литературного языка (H. J o s s e l s o n, *The Russian Word Count...*, Detroit, 1953).

В заключение следует сказать, что от тома к тому работы по языкознанию занимают все более важное и значительное место в ежегоднике. Правда, издание не удалось пока расширить, как это предполагала редакция, но достаточно сравнить пятый том (1956 г.) с его обширными обзорами (25 стр.), рецензиями (более 40 стр.), крупными проблемными статьями с третьим томом (1953 г.), где была опубликована лишь одна лингвистическая статья и три небольшие рецензии.

Материалы WSJ позволяют надеяться, что австрийская славистика, обладающая славными традициями, даст еще немало интересного в разных областях языкознания.

В. М. Илич-Свитыч

¹ Информация о работе коллоквиума, организованного в 1956 г., дается в WSJ (т. V, стр. 217—220).

² Рассмотрены издания: «*Ricerche slavistiche*», «*Harvard slavic Studies*», «*Scandoslavica*», «*Zeitschrift für Slavistik*», «*Die Welt der Slaven*».